

Дунаева И.В

О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧИЯ В КАЧЕСТВЕ ЧИСТОГО УТВЕРЖДЕНИЯ

В начале нашего исследования, посвященного возможности существования различия в качестве чистого утверждения, определимся с тем, в какой мере подобная проблематика является актуальной и что ей помогает стать таковой, выделяясь своей важностью среди других вопросов. В качестве первоначальной опоры в понимании этой проблемы скажем, что в отличие от XIX в. философия XX в. производит смену доминирования в методологии с поиска единства в «первоначале» на возможность способов сосуществования в контексте которого превалирует понятие различия.

Необходимо указать на то, что в своем исследовании автор опирается на источники в основе своей содержащие французскую традицию философии. В работе рассматриваются взгляды на данную проблематику в работах трех наиболее влиятельных авторов – Деррида, Делез, Бодрийяр. В качестве опоры на возможные аналитические способы критики взята работа Е. Наймана. Эта работа стала для автора примером французского критического дискурса. Русским же аналогом выступила статья С. Зенкина. Среди исследователей этой проблемы следует отметить работы посвященные постструктуралистским проблемам Н.С. Автономовой и достаточно подробный анализ проблемы различия проделанный И.П. Ильиным.

Целью своей работы автор ставит изучение особенностей новой парадигмы методологического мышления. Задачей же данного исследования поставится поиск лингвистической формы необходимой для существования различия в языке, который в свою очередь определяет по мнению автора в ходе прецессии актуальные проблемы экономики, политики, нормативности и т.д.

Постановка бинарного оппозиционирования (абсолютное – релятивное) является атавизмом по отношению к современной реальности. Если же к этому подмешивается еще и аксиология, то появляются химеры, загадочным образом соединившие в себе две эпохи. Аксиологизация методологии была рассмотрена Ж.Делезом в связи с вариациями на тему ницшеанского «переворачивания платонизма» [1, с. 213]. Проблема различия указывает не на недостаточность истинности, а скорее на избыточность идеи, где различие выступает в качестве бытия противостоящего наличному. Цепь следов в своем отсрочивании приводит нас к некоторой «изначальности», не являющейся первоначалом. «РазличАние как таковое еще “изначальнее”, хотя его нельзя было бы назвать “первоначалом”, ни “основанием”» [2, с. 140]. Различие в своем движении выходит за рамки как сущего, так и наличности, обнажая «изначальную» виртуальность взамен столь привычной нам актуальности. Хорошей иллюстрацией к этому процессу является прецессия симулякра, разработанная в качестве проблемы Ж.Бодрийяром. Образуется некоторое пространство, где «явления» проживают целую жизнь до того момента как стать вещами. Они появляются, производят всплеск интереса, рождают моду (важное для Бодрийяра понятие), приводят к столкновениям, кризисам, появлению новых явлений, морально устаревают, так и не успев стать феноменом. Эти «пошпен» (хотя и это определение здесь некорректно) вполне обходятся без актуальности и уж тем более без сущего. В традиции современной философии они получили название симулякра. Симулякр - это то, что испытывает полное неуважение ко времени. Он не просто упраздняет время, он его дразнит, сворачивается в петли, делит на несколько независимых, параллельно существующих участков. В общем, тешит себя со всей присущей духу барокко вычурностью. Здесь-то и становится очевидна вся та мера избыточности, которая является отличительной особенностью различия. Пренебрегая актуальностью и существу исключительно в виртуальности, симулякр образует отсутствие общности, где различие так и не достигает отрицания. Повторение, проходя все шаги отсрочивания, образует бесконечность, которая не замыкается в тождество (Парменид окончательно побежден). При этом никакое сущее не способно остановить этот процесс т.к. находится (если и находится) по отношению к нему в далеком будущем. «Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне сама карта предшествует территории - рецессия симулякров - именно она порождает территорию» [4, с. 16].

Симулякр курирует производство, планирует массовое мнение, контролирует экосистему, моделирует пространство. К примеру, техника имеет два уровня симуляции. Во-первых, она есть симулякр второго порядка т.к. произведена без «образа и подобия», а скорее сама есть некоторым оригиналом для всевозможных репродукций. Во-вторых она представляет еще и третий порядок симулякра, окончательно распрощавшийся с «плотью и кровью». Нереперенциальность экономики подробно описана Бодрийяром в главе, посвященной символическому обмену. Не считая необходимым останавливаться на этой теме, подчеркнем лишь выразительные примеры относительно cool mapy.

В итоге мы подходим к тому, чтобы ответить на поставленный в начале работы вопрос об актуальности проблемы различия. Очевидно, что кроме чисто академического интереса эта проблематика затрагивает и исключительно прагматические сферы. Различие – это пульс современности, или как об этом сказал Ж. Делез: «Обсуждаемый здесь сюжет явно присутствует в духе нашего времени» [5, с. 9].

Э. Уорхал, в соответствии с тенденциями неореализма или второй волны реализма, не только с дошностью отпечатывал реальность посвящая ее в симулякры, но и активно настаивал на многократной ее трансляции. В подобной навязчивости читается определенный символ эпохи. Это манифест нового пространства, которое уже не линейно. Это пространство гиперреальности. Каждый объект его шаг отсрочивания, различие в чистом виде; различие, которое избыточно относительно референта. Нечто больше, чем реальность. Здесь возможно отметить не просто игру коннотаций, а скорее систему ссылок, которые подобно интернет-пространствам, открывают полную свободу относительно выбираемого пути. Гипертекст –

символ адогматизма, где ряд означаемых есть явление не сотворенное, но творящееся. Гипертекст не может быть завершен и не может иметь начала. Телеологический текст землепашца, устремленный к детерминирующему его божественному Логосу, бесследно исчез, будучи заменен различием в чистом виде.

Методологические основания позитивной множественности стали важной разработкой в философии постмодерна среди многих философов. В данной работе будет рассмотрена одна из них, предложенная Ж. Делезом. По моему мнению, эта теория является одной из наиболее удачных. В ней соединилось необходимая для методологической разработки универсальность, обладающая одновременно качествами лаконичности и завершенности. Решение проблемы позитивной множественности предложенное Делезом обладает даже в некотором роде эстетической привлекательностью. В ней читается самобытность автора, сопоставимая с такой важной для философии многогранностью, глубиной понимания проблемы и уникальностью подхода.

Основной проблемой нашего исследования является поиск лингвистического измерения проблематичной модальности как различия в качестве чистого утверждения. В предложении возможно выделить два доминирующих аспекта: «выражение», т.е. то, по средством чего может быть высказано нечто мыслимое; «обозначение» – то, что, указывает на соотносимость выраженного и объекта. Первое есть измерение смысла, второе же указывает истинность или ложность. Вопрос истинности как указания на предмет довольно подробно разработан в истории философии [Б. Рассел и др.], в отличии от проблемы смысла, которая до сих пор так и не получила необходимой ясности. Нет надобности говорить, что решение признания тождества первого и второго не является достаточным для понимания, так же как и полная автономия обозначения в качестве единственной определяющей реальности.

Ж. Делез характеризует подобный примат обозначений в философском анализе скрытой формой обычного сознания, сделавшей основой своего метода логическую форму узнавания. Смысл, определяемый через наличность – это не просто одно из заблуждений, это характеристика особого типа сознания, особой эпохи. Критика феноменологии, ставшая общим местом для всей лингвистической философии двадцатого века, была определенным отправным пунктом в понимании не только эпистемологических процессов, но и для осознания тех глобальных измерений, которые собственно и определяют само понятие культуры. Интенциональное определение сознания было одним из удобных, но к сожалению далеко не исчерпывающих всей сложности проблематики мифов. Наравне с поиском универсального кода, предпринятого структуралистами, наличность смысла стала не столько финальной точкой практики, сколько начальной, можно сказать отправной точкой теории, именуемой сегодня кризисом культуры. Простец, пытающийся с помощью редукции установить панибратские отношения со смыслом, оказался с глазу на глаз не с так вожденной им очевидностью, а скорее с невозможностью отсечь все, что ей мешает.

Очевидность становится таковой лишь в качестве дурной бесконечности. Невозможность познания вне языка, это то самое слишком человеческое, что определяет течение всех процессов номинального характера. Смысл не характеризуется денотатом. Более того, означаемое не связано жесткой связью только с одним означаемым. Это приводит к уникальнейшему парадоксу. Слово не определяется принадлежащим ей единственным смыслом, разве только в случае абсурда. К примеру, слово «Снарк» в своем означаемом несет соотношенность с единственной смысловой реальностью – это реальность бессмыслицы. На этом бесконечное движение отсылок означаемого затухает, утопая во всепринимающей молчаливой общности. В любых других случаях означаемое попадает в бесконечную «номинальную регрессию», где каждое предыдущее означаемое указывает на последующее. Лакан в своей экзотической образности определяет подобный процесс в качестве «сети» означаемых. Делез говорит о сфере смысла, подобной «туману». Язык пахаря плох не тем, что не ведет к смыслу (он как раз так и «создан» для того, чтобы не возникало лишних расспросов) Он несовершенен тем, что в своем неукоснимом пути постоянно натывается на неожиданные отрывки смысла, к которым неподготовлен становящимися для него, если не роковыми, то по крайней мере достаточно нежелательными. Линейный язык – это язык Моисея, словами которого говорит божественный Логос. В тоже время этот же язык содержит в себе и потенциальную возможность ересей, как опять-таки достаточно легитимных попыток понимания слова божьего. Для того, чтобы избежать этой линейности не остается ничего другого, как взять на себя функции инквизиции, что бы хоть как-то оправдать свои функции теодицеи. Такова судьба позитивности в качестве повествования.

Смысл, соответствующий повествовательной форме связи означаемых, не способен ни к созданию различия в качестве чистого утверждения, ни к соотносению с идеей. Ж. Делез предлагает использование вопросительной формы в качестве более адекватной. Однако, существует ряд предостережений относительно того, чтобы эта новая форма не стала лишь отражением старой. Дело в том, что в европейской традиции принято рассматривать вопрос как нечто, продублированное ответом. По своей этимологии вопрос всегда звучит в пределах некоторого сообщества, где если даже что-то и не известно одному сознанию, то, по предположению, всегда известно какому-нибудь другому.

Вопрос преобразуется в задачу, в качестве ценности которой предполагается возможность ее решения. Это собственно и составляет суть того инфантильного предрассудка, в соответствии с которым учитель ставит перед нами задачу, а нашей основной целью является ее решение. «Таково происхождение гротескного образа культуры, который мы также обнаруживаем в текстах, распоряжения правительства, газетных конкурсах (в которых каждому предлагается сделать выбор по своему вкусу, при условии, что этот вкус совпадает со вкусом всех)» [3, с. 197]. Возможно в этом есть характеристика «тактильности» СМИ, сформулированная М. Маклюеном и Ж. Бодрийяром. Это реальное отсутствие зазора между вопросом и

ответом, которое мало того, что легитимно в европейской методологии, так еще и выступает основанием ее телеологичности. Авторы в качестве примера приводят один из гениальных PR приемов, часто используемых в современной политической деятельности. Этот прием – опрос общественного мнения. Опрашиваемому предлагается анкета, где задается ряд вопросов на необходимую тему. Реально зазор между вопросом и ответом настолько мал, что участникам ни чего не остается как подчиниться инквизиции линейности. Опрос превращается в задачник, где по сути дано пространство только для одного единственного «правильного» ответа. Все вольницы демократии одним гениальным ходом преобразуются в ответы «да» - «нет». Где «нет» – это тоже «да», только с отрицательным знаком. Тактильность вопроса - одна из главных ловушек, расставленных на пути поиска позитивной множественности.

Не задача формулируется, когда уже найден ответ, а скорее возможность ответов необходимым образом вытекает из того, как именно сформулирована задача. Задача, так же как и смысл, – это «место... генезиса истины производной» [5, с. 198]. Подобное понимание дает нам возможность избежать падения в репрезентационистскую иллюзию. Одновременно оно избавляет нас от того ужаса, который возникает при мысли о возможности истины в качестве различия. Главная заслуга Делеза в том, что, положив в основание своей методологии понятие вопроса, он сумел избавить нас от комплекса перед актуальностью. Различие в сфере смысла не означает его отсутствия. Это становится понятно, когда обращение к нему проходит не в повествовательной, а в вопросительной форме (не путать с задачей) Истина производна именно в том смысле, что ее рождает вопрошание как некоторая отправная точка метода.

По своей сути, задача не является чем-то бесконечно далеким от идеи. Объединяющим началом здесь выступает проблема. « Но недостаточно фактически признать это, как будто проблема – это только временное и случайное побуждение, призванное исчезнуть с формированием знания и обязанное своей значимостью лишь неблагоприятным эмпирическим условиям, в которых оказался познающий субъект; следует, напротив, поднять это открытие до трансцендентального уровня и рассматривать проблемы не как «данные» (data), но как мысленные объективности, обладающие самодостаточностью, включающие в свое символическое поле создающие и инвестирующие акты» [5, с. 198]. Генезис внутри задачи – это генезис истины, отличной по своему происхождению от соотносительности с объектом актуального. Само производство истинного или ложного, в границах, обусловленных смыслом, есть единственный критерий определения, истинна или ложна задача.

По своей сути, таким образом понятая задача становится частным случаем вопрошания, в котором только и способно во всей своей открытости воплотиться проблематичное. В традиции, начиная с Платона, философия определяет «движение мышления как некоторый переход от Гипотетического к аподиктическому» [5, с. 241]. Начальная точка, таким образом находится в предположении, определенном в качестве сомнения. Финальный же пункт, представляет собой аподиксии, т.е. нечто, в чем мы можем быть абсолютно уверены.

Делез же утверждает, что движение происходит от проблематичного к вопросу. Вопрос есть та лингвистически понятная нам единица, которая способна помочь нам преодолеть страх перед проблематичным. Это тот самый вопрос без ответа или задача без решения. Для того, чтобы овладеть символическим полем смысла, недостаточно овладеть спектром ответов, которые рассыпаются в частных «предположениях, обрывающихся случаях» [5, с. 202]. Единственная ценность подобных случаев - означающее, несущее с собой скорбную печать обыденного мышления.

Для овладения символическим полем смысла необходимо не скопить нужное количество ответов, а проникнуть в суть вопроса. Здесь чувствуется определенная гуманитаризация методологии прослеживающаяся в качестве последних тенденций. (К примеру, применение лингвистических методов в различных сферах и дисциплинах стало характерной особенностью последних веяний в сфере науки). Для гуманитария. в особенности для философа, прикиновение в суть вопроса как основополагающий принцип не является чем-то необычным. Благодаря этому движению мысли нам становится понятна возможность самого многообразия. Здесь проблематичное напрямую связано с эмансипацией означающего. Редукция, постоянно совершавшаяся в сфере означаемого, заменилось процессом скольжения.

Вопрос дает возможность состояться проблематичному в качестве отсутствия отрицания. Следовательно, вопрос же формирует возможность различия, в качестве чистого утверждения. Еще Габриель Тард с достаточной ясностью продемонстрировал несостоятельность оппозиций, дав классификацию их многообразия, спроецировав их в качестве «видимостей по отношению к проблематичному полю позитивной множественности» [5, с. 251]. Примером подобной дифференцированной позиции, заменяющей пустую оппозицию, есть эксплитивное НЕ. Оно встречается в «предложении, соотношенном с вопросами, развернутыми в задачу, в качестве свидетеля грамматической инстанции, находящейся вне этого предложения» [5 с. 248]. Таким образом, небытие снимается ?-бытием, оставляя его лишь частным случаем своей проблематичности. НЕ эксплитивное дает нам возможность понять как утверждение может быть множественным, а различие стать объектом чистого утверждения.

Литература :

1. Найман Е. «Сцена письма» и «метаморфоза истины» / Интенциональность и текстуальность . –Томск, 1998.
2. Деррида Ж О граматологии. – М., 2000.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.

4. Зенкин С. Жан Бодрийяр: Время симулякра. – М., 2000.
5. Делез Ж. Различие и повторение. – С.-П., 1998.

УДК 165.75 постструктурализм, различие, симулякр